

Хаос

Автор:

Лана Тимофеева

Хаос

Лана Тимофеева

История художника, которому приходит заказ на портрет от создателя. Во все века и времена именно олицетворение создателя выводило человечество из кризиса. Художник проходит стадии совершенствования собственного поля сознания, для возможности написания портрета.

Хаос

Лана Тимофеева

© Лана Тимофеева, 2021

ISBN 978-5-0051-6758-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пустое

Утро выдалось пасмурным. По стеклу глухо постукивали капли осеннего затяжного дождя. День не обещал ничего хорошего. Голова болела, и во рту полыхало отвратительное варево из вчерашнего веселья и сегодняшнего похмелья. Не хотелось открывать глаза. Он знал, что утренняя грязь и разруха сопутствуют всегда настоящим творческим вечерам. Особенно, когда происходят жизненно важные события. А такое событие произошло. Персональная выставка в одном из самых престижных выставочных залов страны, после длительного застоя. Когда целых восемнадцать лет он находился в забвении. Все отказывались его выставлять, абсолютно все.

Ну, конечно, так было не всегда. Было время, когда никто не отказывал. Глядя портфолио, вначале высказывали немое удивление, затем восхищение, затем неизменно задавался вопрос, – а вы собственно кто, откуда, и где вы были раньше, то есть, почему о художнике такого масштаба никто никогда не слышал.

Он отвечал всегда одинаково, – я из другой страны, работаю под прикрытием. Это было шуткой, конечно.

В ответ понимающе улыбались. И пересматривали портфолио. Затем, шел главный вопрос, – чем будете платить за аренду помещения?

И он как истинный творец неизменно отвечал, – денег нет! Берите картины. И как это не странно, соглашались, и за две, три картины, впускали неизвестный талант на свои дорогостоящие арендные площади.

Эзотерический портрет «Я», А. Смолич

И по началу все шло превосходно. Все радовались, что открыли новый талант, можно сказать талантище. И были пресс-конференции, и телевидение, и радиовещание, и просто газетные статьи. Завязывались контакты и даже в некотором смысле дружба. Женщины кокетливо поглядывали, стараясь рассмотреть в симпатичном провинциале именно того, ради которого можно и в изгнание, и в забвение, но только уже с известностью и гарантиями

на бессмертие! Ведь помнят же люди Галлу Сальвадора Дали, Лауру Петрарки. А что уж говорить о Моне Лизе Леонардо да Винчи – но это вопрос спорный, да и какая уважающая себя современная столичная женщина захочет походить на Монну Лизу? Но не это важно, а только лишь то, что быть музой таланта это и достойно, и модно, тяжеловато, конечно, но ради вечности, можно потерпеть!

Все начинало рушиться, когда птица счастья, казалось, уже была в руках.

Главный, от которого зависела судьба выставки, как-то смущенно подходил с вопросом, а долго ли еще планируется демонстрация экспозиции.

На удивление художника, как правило, отвечалось, что в столице своих талантов хватает, а аренда дороговато обходиться, и вообще, пора прощаться!

Конечно, бывали нюансы, и даже кое-что удавалось продать, до разрыва.

Но разрыв был неизбежен и художник, которому хотелось только одного, творить и творить, вынужден был все снова и снова искать арендные площади, спонсоров, и средства к существованию, перебиваясь заработками в изостудии и мелкими заказами.

Необходимо заметить, что те самые женщины, которые так рьяно боролись за место у творца, куда-то испарялись, оставляя по себе лишь легкие приятные воспоминания.

Так было всегда. Одна и та же схема. Один и тот же конец. После очередной неудачи, он возвращался измученный, опустошенный и обозленный к своей провинциальной жене. Она его отогревала, откармливала, излечивала, вселяя веру в его абсолютную гениальность, и он шел дальше.

Да, так было всегда! Затем, ситуация совсем ухудшилась, толи потребность в искусстве как таковом значительно уменьшилась, толи его полотна стали совсем уж несовременными, только выставлять, отказывались совсем. Поэтому, лежа утром на измятой постели в своей столичной мастерской, ему не хотелось открывать глаза и возвращаться в мир, в котором все уже случилось, все схемы созданы и пройдены не один десяток раз. Пройдет и это, – сказал когда-то философ. Пройдет и значит повториться вновь.

Он был опустошен. Случилось все! Спустя восемнадцать лет, опять выставка, опять телевидение, газетчики обещали сенсационные статьи. Он решил в последний раз испытать судьбу, продал родительский дом, в очередной раз

бросил надоевшую, как ему казалось, жену и переехал в столицу.

На вырученные от продажи дома деньги, снял мастерскую в коммуналке, такие еще остались на окраине, а остаток суммы пошел на оплату тех самых арендных площадей. Несколько месяцев подготовительных работ, налаживания связей, знакомство с репортерами, поиск официальных лиц способных поддержать хоть словом, хоть делом. И если на сей раз, ничего не выйдет, все! – он «ломает кисти»! То есть уходит из искусства навсегда. Но об этом думать не хотелось. Потому-что это навсегда не сулило ничего хорошего. Без искусства может и можно прожить, а вот без жилья сложновато. Конечно, оставалась еще жена, но эта мысль совсем портила ему настроение. А менять профессию, не очень то хотелось, да и могло.

Так он лежал и размышлял, глотая приторно обжигающую слюну – остаток воспоминаний от вчерашнего банкета.

До сознания донеслись какие-то звуки из ванной комнаты, женский голос напевал популярную мелодию типа «о, майн гот...» и журчала вода.

О-о-о! – мысленно вздохнул он. Пришлось разлепить одно веко, чтобы идентифицировать певицу. Девушка уже вошла в комнату, скинула полотенце и неспешно надевала на себя видимость белья. Незнакомка была что надо! Стройная, на длинных ногах отливающая не осенним бронзовым загаром. Профессиональным взором он оценил, что фигура у девушки безупречна. Он пошевелился, вынимая из-под себя затекшую руку, и девушка обернулась. Лицо ее оказалось довольно приятным. Все оказалось не так уж плохо, одно обстоятельство его тревожило, он совсем ее не помнил. Девушка улыбнулась, демонстрируя безупречную белизну ровных зубов. Анфас был тоже на уровне, высокая шея, плавные плечи, чуть великоватые для ее стройной хрупкой фигурки выпуклости груди, готовы были выпрыгнуть из кружевной дымки белья, подтянутый живот, и далее...

Перед ним стояло совершенство, а его тошнило. Она призывно улыбалась, а он мечтал об одном, поскорее пробраться в туалет.

Наконец девушка оделась. Вопросительно, посмотрела не него, видимо чего-то ожидая, но, так и не дождавшись, достала из сумочки визитную карточку и положила ее на стол. Последними и собственно единственными ее словами были, – позвони мне.

Когда за ней захлопнулась дверь, он опрометью кинулся в туалет. Его долго истошно рвало.

Месяц пролетел между интервью, переговорами с покупателями, пирушками с друзьями и беспорядочными связями с женщинами.

Деньги заканчивались, но он надеялся, все же надеялся на то, что в этот раз ему улыбнется удача и старой никчемной нищенской безвестной жизни наступит конец! Ему уже поступило пару предложений на портреты. И даже один он успел создать и отдать серьезному заказчику, заплатить тот обещал позже. Обретенные друзья сулили помощь в поиске контактов. Жизнь налаживалась, одним словом!

Гром грянул, когда его не ожидали, как говорится. То есть были, конечно, сообщения по телевидению и в газетах, что грядет финансовый кризис, но казалось, что все это где-то далеко и кризис – это для структур, трясущихся за свои миллиарды, а нам-то честным творцам чего опасаться. Мы то сеем честное доброе, вечное и пару десятков тысяч за картину, это же смешно для тех, кто заказывает эту жизнь, оперируя цифрами с бесконечными нулями. Ан нет! И на этот раз не пронесло.

Приехав на встречу с тем самым серьезным заказчиком в очень серьезное заведение, он получил категорический отказ в выплате гонорара. И на него даже прикрикнули и намекнули, что тревожить серьезных людей в период кризиса, это безнравственно и даже неосторожно для жизни.

Остальные желающие увековечить свои сущности в информационном пространстве оказались просто недоступны. Их телефоны отвечали на различных языках о временности бытия, и в этом бытии клиенты отсутствовали.

Один за другим начали пропадать друзья. А за ними и те, кто призван на эту бренную планету, чтобы утешать и быть рядом в тяжкую гадину. Та самая прекрасная половина человечества, которая так скрашивала его существование на чужбине в последний месяц.

Он остался один. Выставку давно сняли. Почему-то искусство, которое способно излечивать и исцелять, вести к прозрению и открывать истину, оказывается

всегда забыто, как только рушиться самая великая человеческая ценность – экономическая политика!

Он запил. Еще оставалось немного денег, и он просто их тратил на возможность своего забвения, не желая даже думать, – а что же дальше?

Так продолжалось неделю, а может и больше. Но внезапно деньги кончились, (а деньги всегда заканчиваются внезапно). Одним скверным вечером он очнулся и понял, что возможность ухода из реальности исчерпана. Пришлось шарить по карманам, выгребать вещи из шкафа, перетрясать страницы книг (деньги любят прятаться в книгах, может они мудрее людей?), – все тщетно. Он впал в иступление, плакал и катался по полу. Казалось, что его внутренности завязывают в тугой узел, а мозг жарят на раскаленной сковородке. Да... Ему необходимо было исцеление. Так он выл, пока не наступило что-то вроде забытья. Он лежал, не шевелясь, целую вечность. А когда он открыл глаза, его взору предстал грязный персидский ковер, такие раньше были у каждого уважающего себя обывателя, а за истлевшей каймой ковра, плотным мхом покрывала дощатый пол пыль. Она серебрилась в блеске смотревшей в окно луны, и уходила дальше под тень старого обшарпанного шкафа. Там под шкафом он разглядел какую-то бумажку. Подползя ближе, он протянул руку в темный проем и достал оттуда карточку. Она уже успела обрасти пыльным мхом. Он очистил ее рукавом свитера. Карточка было небесно голубого цвета и золочеными буквами на ней было написано одно слово Руах и номер телефона. Это та самая визитка, которую оставила незнакомка. Он сидел и тупо всматривался в карточку, как будто желая отыскать ответ в этом странном названии или имени, он не знал. На время он не глядел, рука сама потянулась к телефону, и он набрал номер.

После трех гудков ему ответили.

Руах

Через два часа он сидел за столом, накрытым чистой салфеткой, перед, неизвестно откуда взявшимися, серебряными приборами и маленькой хрустальной стопочкой. На столе дымился ужин. А в центре возвышалась бутылка витиеватого стекла с прозрачной жидкостью. Иностранными буквами

на ней было написано Джин. Девушка, улыбалась, и казалось, что от ее улыбки по комнате прыгают солнечные зайчики.

Она одним движением откупорила бутылку, и по комнате разлился хвойный аромат. Насыпав на дно рюмочки несколько гранатовых зерен, девушка налила джин.

– А ты? – хриплым голосом спросил он.

– Я не пью, – покачав головой, в раздумье ответила девушка.

Он поднял рюмку, гранат запылял кровавыми слезинками. Он выпил залпом. Джин обжег горло, хвойный аромат ударил в мозг, огонь пошел по животу. Раскусив ядра граната, он ощутил приятную свежесть. Как будто свежая кровь разлилась по жилам. Сознание прояснилось. Он смотрел на девушку, не зная с чего начать разговор. Как-то странно, он видит ее всего второй раз в жизни, и она его, наверное. Но она приехала по первому звонку. Приехала, чтобы излечить, исцелить его раненную душу. Да и тело, – не мешало бы.

Девушка улыбнулась и налила вторую, заботливо положив три гранатовых зернышка на дно рюмочки. Он выпил молча. Теплота уже не была столь обжигающая. Пришло время закусить. Она открыла блестящую кастрюльку, и от вареной картошечки повалил пар. Это не была та самая голландская картошка, которая похожа на клонированные абсолютно одинаковые овальные куски белого мыла. Это была настоящая белорусская бульба, впитавшая в себя ласковое белорусское солнце и силу белорусской земли, желтенькая, разваристая, немыслимо аппетитная. В овальной мисочке красовалась тихоокеанская сельдь, оплывающая пряным посолом, посыпанная черным жемчугом душистого перца. А на большом блюде лежали истомленные куски жареного мяса. Из баночки задиристо выглядывали корнишоны.

Он почувствовал зверский голод и понял, что уже не может вспомнить, когда ел в последний раз. О! как это было вкусно, еда таяла во рту. Он выпил третью! Девушка ни к чему не притронулась.

– Ты что, на диете? – с набитым ртом спросил он.

– Мне надо быть всегда в форме, – ответила девушка улыбаясь.

Она ему явно кого-то напоминала. После первой их встречи, он абсолютно не помнил ее лица. В памяти остался только удивительный загар ее тела. И теперь он всматривался в ее черты. Она не была в полном смысле слова красавицей, но в ней было что-то завораживающее. Узкое лицо, чуть великоватый с горбинкой нос, четко очерченные губы, правильной формы подбородок, ровные дуги бровей и странные миндалевидные глаза. Голубые почти бесцветные. Но завораживали даже не глаза, а взгляд. Казалось, что она смотрит не перед собой, а в глубь себя. С какой-то вековой грустью и насмешкой в то же время. На мгновение взгляд вспыхивал, когда он к ней обращался, и она возвращалась в реальность, но затем заволакивало дымкой задумчивости эти немислимые завораживающие глаза и оставалось только сидеть и созерцать эту бесконечную почти бесцветную глубину.

Но на то наш художник и мужчина, чтобы не бездействовать бездарно в компании с такой прелестной спасительницей.

– Руах, что это за имя такое? – спросил он, откинувшись, наконец, в кресле.

– Это на арабском означает ветер, – голос у нее был сильный, казалось, она делает над собой усилие, чтобы говорить тише.

– Ветер, ветер, – он смаковал на вкус ее имя, произнося его несколько раз, – откуда ты взялась, Ветер?

– Ты сам позвал меня, – глаза ее вспыхнули и засияли.

– Да, а до этого, я тебя совсем не помню, ты прости, но скрывать нет смысла, и если уж ты такая спасительница, может, объяснишь, кто ты и откуда, – он отчего-то начал раздражаться, видимо сказывался общий кризис, все люди хотят ясности, никто не любит неизвестности.

– Тебе было плохо, и ты звал всех к себе, я услышала и тоже пришла, – девушка была растерянна.

– Ты ко всем идешь, кто тебя зовет? – он становился, отвратителен сам себе, пытаясь скрыть свое бессилие за напускной развязностью, но остановиться не мог.

– Нет, но тебе я нужна, а ты нужен мне, я давно слежу за твоим творчеством, ты необычный человек, ты рисуешь портреты без лиц, я хочу понять, что ты видишь. Не все видят то, что видишь ты. Ты видишь время, никто никогда не видел время. Люди смотрят на предметы и не всегда видят даже их, некоторые видят то, что скрыто от глаз, но оно тоже материально. Есть люди, которые утверждают, что могут видеть душу человека. Но никто не видит время, его нет. Время отражается в событиях. А на твоих картинах нет событий, но в них есть время, которое отражает душу человека, которого ты рисуешь.

– Я никогда об этом не думал, я просто пытался мыслить ассоциациями, я никогда не думал о времени, ну разве что о вечности! – он засмеялся.

Необходимо было разрядить обстановку, все же это встреча немолодого мужчины с молоденькой девушкой, и это могло сулить множество приятных моментов, а тут вдруг такие беседы...

– Ассоциации, это очень странная форма мысли. Почему вдруг человек начал мыслить ассоциациями. Все уже существует, все есть, все имеет такой смысл, который ему дан изначально. Почему люди не стремятся постичь истинный смысл вещей, а пытаются обмануть свое сознание, уводя его в мир ассоциаций. Разве нужны ассоциации чтобы постичь, например, камень. Он есть, он уже существует. Необходимо только смотреть на него, можно взять его в руки, почувствовать его поверхность, можно его бросить и почувствовать его вес. Но для чего нужно его с чем-то ассоциировать, разве от этого он перестанет быть камнем и станет чем-то другим?

– Ассоциации усложняют восприятие, дают возможность сравнивать несравнимое, развивают образность мысли, к тому же ассоциации тренируют память, – он отвечал, а сам думал, что девушка была явно не так проста, как показалась ему в начале.

В свете ночника она была удивительно хороша, задумчивая с искрящимся взглядом, и эта кожа, о-о-о! Только зачем, зачем она все это говорит.

– Память!? Все думают, что у них есть память!? – она вскочила и заходила по комнате, – что есть память? Цепочка представлений о том, что было? Для того чтобы помнить, необходимо вначале знать! Все помнят лишь свои ассоциации, у всех есть представления о происшедшем, но разве кто-то заглянул за край

события, кто-то знает изначальное... то, что вечно, то, что первопричинно? Память – материализация времени, люди готовы обманываться, думая, что, изучая прошлое, и предрекая будущее, они продлевают нити вечности. Но кто помнит, что было вначале? – она была потрясающая. Он сидел раздавленный и униженный, эта девочка, облекала в слова то, что он чувствовал сам.

Чтобы выглядеть умудренным опытом и не совсем упасть в грязь лицом он сыронизировал, – вначале было слово! – подняв палец, засмеялся.

Она глянула на него и спросила, приблизив свое лицо к его, – а какое?

Она была слишком серьезна, это начинало его злить. Что она себе вообразила, что за бутылку Джина, может его унижать. Ему так хотелось схватить и прижать к себе это стройное тело, целовать эти губы, чтобы из них вырывался только стон. Но он напустил на себя безразличие, и еще больше, откинувшись в кресле, развязным тоном произнес, – вначале...

Она села напротив и покачала головой, – не было такого слова...

Это было уже через чур. Он и сам любил поспорить на тему о реальности и нереальности бытия, но чтобы вот так, при первом свидании.

Между ними возникла пауза. Девушка задумалась и погрузилась в себя. Он от нечего делать налил себе еще рюмку.

– А что же было вначале, ты, кажется, знаешь? – он пытался быть непринужденным.

– К сожалению, нет, я не могу это постичь, и для меня это такая же загадка, как и для всех, – она искренне расстраивалась, – а ты можешь, человек который способен заглянуть за край времени может постичь все!

Это его немного успокоило, женщина должна благоговеть перед мужчиной, это ее предназначение, – да, – вальяжно начал он, – я могу остановить время, – он поднялся и мягко направился к ней.

Она отстранилась и с нескрываемым ужасом почти прокричала, – нельзя! Нет! Ты не должен! Ты никогда не должен этого делать!

Он остановился в недоумении, обычная шутка, ухаживающего мужчины, пытающегося быть хоть сколько-нибудь оригинальным, довела ее почти до истерики.

– Ты помнишь, когда Сальвадор Дали написал свое «Уснувшее время»? Оно остановилось, вернее, замедлило ход, так, что мы его почти не лишились! Вы люди так безрассудны, – она качала головой, а руки ее были скрещены на груди почти в молитве, – когда это происходит, открывается хаос и в мир приходят войны, катастрофы, смерть! Нельзя останавливать время!

– Слушай, ты часом не сумасшедшая, – он подошел к ней и заглянул в ее лицо, но следов сумасшествий в нем не нашел, обычная девушка, только потрясающе красивая и какая-то страдальчески милосердная, что-ли.

Он стоял и смотрел на нее понимая, что не может к ней приблизиться, не может овладеть этой неземной красотой.

Чтобы как-то сгладить неловкость он попробовал сделать последний шаг, подойдя совсем вплотную, спросил, – зачем тебе сегодня все это?

– Не сегодня, всегда... – она стояла не шевелясь, и смотрела не наго глазами полными восхищения, ожидания, мольбы, только о чем он так и не смог понять.

– Я, наверное, уже пойду, поздно... – она не отстранялась.

Ему хотелось сжать ее в объятиях, целовать, целовать... Но он только развязно пожал плечами.

Девушка повернулась и пошла к выходу, дойдя до двери, она остановилась и произнесла, – завтра тебя ждут, машина будет в три часа.

– Кто ждет? – он был окончательно ошарашен.

– Тот, кому отказать невозможно.

Через секунду он остался один.

Интер-интер-интер-Нет

Он проснулся рано. Впервые за время своего проживания в съемной комнате навел порядок, вынес весь мусор. Принял ванну и побрился. Съев остатки вчерашнего ужина, но, не притронувшись к бутылке с Джинном, стал ждать назначенного часа.

Он пробовал позвонить Руах, но она оказывалась вне зоны действия сети. От нечего делать включил старый, подаренный кем-то из прежних друзей, компьютер. Он не включал его с того самого дня, когда рухнули надежды на получение гонорара.

Вышел в интернет, желая узнать последние мировые новости. Оказывается, кризис бушевал во всю. Рушились концерны, многомиллионные состояния рассыпались в прах, несчастные банкиры восстанавливали психическое равновесие в бассейнах и на кортах. Акции падали и взлетали, нефть, взбесилась окончательно, и ее цену уже никто не мог стабилизировать. Одним словом, апокалипсис!

Решив проверить почту, он наткнулся на странное сообщение. Некий НИКТ@ приглашал к вступлению в его сообщество НИЧТ@. Он открыл его страницу, желая отчасти просто убить время, отчасти из-за любопытства. Ничего на первый взгляд примечательного серая страница с разделами. Он нажал на выход. Вдруг экран погас, то есть даже он не погас, а просто стал черным. И из этой черноты, с диким ржанием, явились три коня, черный, белый и красный.

– Е мое! Вирус! – он стукнул себя по лбу. Все! Единственная связь с внешним миром оказалась под угрозой.

Но вдруг, кони ускакали, а с диким воем сирены, на экране замигало кроваво красное слово Выход!

– Тьфу ты, черт! – у него отлегло на сердце, дурацкие шутки.

Затем, побежала красная строка: «Ищешь выход? вступи в мое сообщество!» и маленькими буквами внизу проявилась надпись: «щелкни по пустому полю».

Это стало даже смешно, какие-то шутники решили разыграть пользователей. Он щелкнул.

Появилась надпись: «Поздравляем, Вы в сообществе! Подарите нам слово! Вы можете подарить любое слово, ваше любимое слово или самое нелюбимое слово, вы можете даже выругаться на нас, мы будем счастливы, принять любое ваше решение. Не задумывайтесь долго, пишите любое первое пришедшее Вам на ум слово, оно и будет самым верным! Мы хотим знать ВАШЕ слово!»

Затем загорелось окошечко, и замигал призыв «Слово».

Он усмехнулся и как-то не задумываясь, машинально ткнул пальцем в букву «Я».

Экран поглотил слово в себя и рассмеялся. В ответ выпрыгнула надпись: «Добро пожаловать в НИЧТ@! Поздравляем, Вы на первом уровне, Вам присваивается имя „Эгоист“. Вы можете пообщаться с такими же Эгоистами как сами, или с НИКТ@, Вам стоит только сделать свой выбор между Я или НИКТ@! Не задумывайтесь долго, Ваш выбор всегда верен! Вам всегда ответят! Жмите прямо сейчас! Я или НИКТ@! Я или НИКТ@!»

Экран призывно мигал. Общаться с самим собой или с подобными себе не хотелось, а вот этот назойливый «никто», уже начал раздражать, к тому же хотелось разобраться, что все это значит, и он нажал.

Ответ пришел сразу.

Никт@: Привет, ты хочешь о чем-то спросить или просто убить время?

От такой постановки вопроса по спине посыпались мурашки, странный собеседник знал вчерашний разговор с девушкой? Зачем он вспоминает о времени? Может, это ее проделки? А может у него просто начинается паранойя? Он решил идти до конца.

Он: Привет, пока я хочу только узнать кто ты?

Никт@: Я – НИКТО.

Он: Зачем ты пригласил меня?

Никт@: Я приглашаю всех, ты сам пришел.

Он: Что за сообщество, в котором главный Ты?

Никт@: Сообщество таких, как Ты!

Он: Значит ты, такой как я?

Никт@: Нет, это ты, такой как я.

Наглый собеседник откровенно хамил. Станный разговор действовал на нервы, но прекращать не было смысла, до машины оставался еще целый час. Все же хотелось вывести этого шутника на чистую воду.

Он: Что такое твое ничто?

Никт@: Это не мое, это твое ничто, ты пришел в него, невозможно прийти в то, чего нет в тебе.

Бред какой-то.

Он: Ты сказал, что я на первом уровне. А сколько всего уровней?

Никт@: Столько, сколько ты сможешь пройти. Уровень может быть один, или бесконечное число уровней, или ноль!

Он: Ноль уровней, это их отсутствие?

Никт@: Какое странное у тебя искаженное мышление, ноль не есть отсутствие, ноль – это начало, координата, мандала с которой все происходит. Ноль – это

вход, а для некоторых и выход. Попробуй уменьшить себя до нуля, кто знает, может в этом, ты найдешь свое расширение.

Было понятно, что собеседник хочет его запутать окончательно. Но зачем? Для чего этому мифическому никто нужно пудрить мозги, какому-то художнику из захолустья. А может он уже на новом уровне, все же выставки, в престижных залах... Стало смешно, он начинает мыслить категориями виртуального гостя. Ладно, попробуем, с другой стороны.

Он: А что за странное имя ты мне присвоил – Эгоист?

Никт@: Ты хочешь оспорить? Пожалуйста! Это имя соответствует твоему уровню. ЭГО – вот твой путь! Кстати, старик Фрейд тоже был когда-то с нами, но теперь он далеко, очень далеко. Так вот, ты взращивал и лелеял свое эго, ты не хотел знать ничего кроме своих желаний! Разве не твои слова – Я-есть творец?! А разве не ты бросил красавицу жену и уехал из родного города во имя себя самого? Во имя бесконечной любви к себе, чтобы внушить эту любовь всему миру? Почему же сейчас, когда тебе нужно признать свою истинную цель, ты опять предаешь себя? Ты хочешь славы? Богатства? Свободы? Я могу дать тебе все! Только попроси! Попроси меня! Я дам все, что ты пожелаешь! Одно твое слово, только одно, любое слово, то которое ты захочешь, первое пришедшее на ум...

Черт знает, что такое. Откуда этот невидимый собеседник мог узнать о жене, о болтовне с друзьями, когда он не однажды восклицал я – творец! И вообще! Что все это значит? Эта бессмысленная игра в слова. Ладно, пусть будет по-твоему! Слово, так слово! И он написал.

Он: Бог!

Смехом взорвалась вся пустота интернета, казалось, будто смех брызжет, заливая собой всю комнату, по экрану пошли огненные сполохи. Его лицо обдало жаром. Конечно, жара не была, но от такой наглости у кого хочешь, скакнет давление, и как следствие кровь прильет к голове.

Никт@: Поздравляю, ты подтвердил свой уровень, ты Эгоист!

Он: Почему? Любое слово означает эгоизм?

Никт@: Все зависит от того, что ты вкладываешь в это понятие, выражая его словом. Бог – это я! Это твои слова, так на каком ты уровне, а, Эгоист?

Он: Откуда же ты можешь знать, какое я вкладываю понятие в слово бог.

Никт@: В этом слове невозможно выразить понимание того, о чем ты рассуждаешь. Ты сравниваешь себя с непостижимым. Так ли ты непостижим – провинциальный творец портретов?

Хам, сволочь! Кулаки сжимались! Как хотелось дать ему в морду, ну не бить же по монитору. Он в бессилии написал.

Он: Что ты хочешь от меня?

Никт@: Я хочу то, что хочешь ты. Что хочешь ты?

Господи! Помоги мне! Можно было просто отключить комп, растянуться в кресле, и забыть всю эту галиматью. Но почему-то эта мысль не приходила в голову. И он спросил.

Он: Я хочу знать, как выглядит никто?

Возникла пауза, наш мастер ликовал, все же он заставил шутника задуматься. Но ответ все же пришел.

Никт@: Не все можно увидеть, не все нужно видеть. Сегодня ты будешь многое видеть не видя. Не старайся увидеть то, что скрыто. Неосторожно для жизни!

Где-то он уже слышал это предостережение. А! От неплательщика портрета.

Он: Я хочу видеть тебя.

Экран погас. Он сидел и ждал, что придет хоть какое-то послание, или шутка, или хоть что-нибудь. Он всматривался в завораживающую темноту экрана, но ничего не происходило. Он сидел так минуту, а может и десять, мысли вихрем бушевали не находя никакой основы для логического объяснения

происходящего. А он все смотрел и смотрел. Вдруг он вздрогнул, внезапно осознав, что на него из темноты монитора смотрело его собственное отражение. Он даже отпрянул, никогда еще отражение своего лица не пугало его до такой степени. Даже в самые тяжелые времена, глядя по утрам на себя в зеркало, он не испытывал такого страха, лишь легкое отвращение и жалость к себе.

Он ткнул пальцем в первую попавшуюся клавишу, и тут же пришло сообщение, странный собеседник откликнулся.

Никт@: Ты еще чего-нибудь хочешь, может, хочешь приятно убить время, в нашем арсенале замечательные порно коллекции, или ты желаешь заключить выгодную сделку? Или сделать заказ по интернету? Мы можем все!

Да, собеседник был не промах, Ладно! Он решил, ну что же чем черт не шутит, может эта игра и стоит того, чтобы в нее сыграть.

Он: Да, я хочу сделку! Я хочу получить заказ на портрет! Дорогой заказ!

Последовала небольшая пауза, после которой пришел ответ, которого он точно не ожидал.

Никт@: Тебя уже заказали...

Он: Кто?!

Никт@: Я не могу тебе сказать его имя. Ты скоро все узнаешь сам. Одно знаю точно, плата - очень высока.

Он очень устал, эти загадки его утомили, а еще эта встреча. Он написал последнее.

Он: Я хочу выйти!

Никт@: Выходи!

На экране появилась открывающаяся дверь, и стал слышен скрип несмазанных петель, затем экран погас.

Мыслей не было, только опустошение. Он смотрел на зияющую темноту экрана. Что за чертовщина твориться с ним в последние несколько часов? Нет, точно пора завязывать с иностранным спиртным, оно не для нашего брата.

Стройный ход его мыслей прервал машинный гудок на улице у подъезда. Он глянул на часы, было ровно три. На ходу, натянув свитер, он инстинктивно обернулся, глядя на комнату в дверной проем. Возникло ощущение тоски и показалось, что сюда он больше никогда не вернется. Отогнав грустные мысли, он помчался вниз по лестнице навстречу своей судьбе.

Катарсис

Огромный белый лимузин, ждал у подъезда. В свете не по-осеннему яркого солнца, от сверкающей белизны лимузина, слепило глаза. Свет прогнал тяжелые мысли от странного разговора. Дверца приоткрылась, и он нырнул внутрь. Его там ждала Руах. О-о-о! Это была превосходно. Он искренне рад был видеть девушку. Она была ослепительна. Волосы были зачесаны высоко и мелкими локонами ниспадали на плечи, мягко обрамляя ее восхитительное лицо. Белый костюм, видимо, в тон лимузину, придавал ощущение свежести. Глаза сияли, на губах блуждала та же отстраненная улыбка. И этот загар! Ее кожа переливалась, казалось, что она искрится миллионом звездочек! Он не выдержал и спросил, – боже, где ты так загорела, на дворе осень, а ты вся сияешь!

Глаза девушки вспыхнули, она улыбнулась, и в машине стало совсем тепло, – высоко, очень высоко, – ответила она, неопределенно описав рукой полукруг над головой.

– В горах? – он не совсем понял, где это высоко и решил уточнить.

Девушка удивленно взглянула на него и протяжно ответила, – да-а, пожалуй, в горах, – при этом улыбаясь чему-то в глубине собственных мыслей.

Он уже привык к странностям вокруг него, поэтому решил расслабиться и провести приятные минуты с Руах, наслаждаясь ее обществом. Окна были

прикрыты рольшторами, и водительское место тоже загораживала перегородка. Но долго расслабляться не пришлось. Видимо Руах знала свое дело, и не просто так, появилась она в его жизни.

– Я должна тебе сказать, – девушка стала серьезной, – вернее, передать...

Казалось, она краснеет, путаясь в словах. Он никак не мог взять в толк, что же она хочет выразить.

– Понимаешь, это мое первое задание, такого рода, – она закрыла руками лицо, – ой подожди, я соберусь...

Он сидел, ничего не понимающий и ждал, пока Руах соберется.

Постепенно она успокоилась, и очень серьезно произнесла, – тебя призывают, ты должен послужить!..

Он ждал еще чего-нибудь, каких-то объяснений, но их не было. А уточнения, между тем, хотелось бы получить, – куда, если не секрет, меня призывают, в армию? – он улыбался.

Она удивленно, и даже строго глянула на него и ошарашила окончательно, – в какую еще армию? Ты же старый!

Вот те и здрасте! Он выразительно поклонился ей, выражая тем самым глубочайшую благодарность за выказанную прямоту!

– Ой! – она прикрыла рукой свой прелестный ротик, – я не то хотела сказать! – ее глаза молили о прощении, – конечно, в армию не надо, нет, это другое...

Она приблизилась и положила свою ручку на его измызганные, с вьевшейся краской, пальцы.

Он улыбнулся, желая продемонстрировать, что совсем не обижен, и гордиться своим возрастом.

Руах продолжала, – понимаешь, настал твой час, ты много, много страдал, работал, творил! – последнее слово она произнесла с особенным выражением, – ты стоишь на пороге, только нужно войти, а там за этой дверью, вечность. Ты создашь свою лучшую картину. Тебе дано это право, эта картина станет дорогой для всех нас.

Он не понимал и половины из того, что Руах бормотала. Его мысли, чувства, желания сконцентрировались на этой маленькой ручке. Он почти не ощущал ее прикосновения, казалось, что рука невесома. Руах сидела совсем близко и говорила, говорила... Ее волосы касались его лица, от ее тела исходила такая свежесть, что у него кружилась голова.

– Многие, многие пытались проложить путь, но люди забывают... Невозможно достучаться... Мы сами не в силах, только чувствам открывается истина... Только ты, ты... Все ничто... Никто не в силах...

Он перестал воспринимать реальность, она еще что-то бормотала. Он распустил ее волосы, огненным водопадом они рассыпались по плечам. Одежда спадала сама. Они едва касались друг друга. Бесконечность прикосновений. Ее руки рождали звездные скопления в его теле. Время остановилось. Лишь дыхание, он впитывал ее дыхание, сознание провалилось в бесконечный свет. Стон. Ее стон, огнем разливался в нем. Движение, движение, все сжалось в одну точку... Взрыв! Вселенная понеслась, разрушая покой! Свет! Обжигающий свет...

Он открыл глаза. Руах смотрела на него. На ее лице застыл благоговейный ужас, так это можно описать. Господи, какие знакомые глаза! – мысль пронеслась как молния.

Она отстранилась и села, – ты провел меня! – было непонятно, говорит она с восторгом или с досадой, – я поняла! – ее голос набирал силу, – я все поняла!!! – казалось, что это кричат небеса, – я поняла, – обессиленная она упала на сиденье.

В его жизни было много женщин, очень много, разных женщин. Но то, что произошло, нельзя назвать близостью, нельзя назвать единением. Это было больше чем соприкосновение! Это было очень, очень, очень странно, и непостижимо. Он не помнил собственно близость, казалось, что обжигающая страстью пелена упала на них и, испепелив их души, открыла солнце, и оно

ослепительно засияло, обнажая падение в пустоту. Он был абсолютно опустошен. Мыслей не было. Желаний не было. И окружающая белизна начинала угнетать, хотелось закрыть глаза и погрузить в темноту покоя и дремоты.

Может, он и задремал, убаюканный мягким покачиванием лимузина. А может, и нет, может, это была лишь секунда. Время перестало играть значение. Только, когда он открыл глаза, Руах была причесана и одета. На ее лице появилось выражение восторга и полной отстраненности. Она стала совсем чужая, эта почти незнакомая, непонятная ему девушка, неизвестно откуда появившаяся в его жизни.

Он оделся, и они доехали молча. Говорить не о чем не хотелось, да и о чем?

Подняв рольшторы на окнах, они увидели, что находятся в административном центре столицы. Строения из стекла и бетона готовились поглотить, еще кое-где виднеющиеся архитектурные памятники, которые, как бы напоминали о бренности мира и еще о том, что невозможно уничтожить то, что создавалось веками. Тени прошлого живут рядом с нами и даже в нашем урбанистическом современном мире они выглядывают из закоулков, совсем неожиданно, вдруг, напоминая о том, что природа наша сложнее даже самых современных и совершенных строений.

Машина остановилась около здания в виде огромной черной стеклянной пирамиды (совершенство современной строительной мысли). Руах подвела своего спутника к крыльцу, и двери повинувшись приближению человека, услужливо раздвинулись, открывая огромную лестницу белоснежного мрамора, уходящую в ослепительно сияющую солнечную высь. Она обернулась к нему, и он подумал, что видит ее в последний раз. Сердце защемило, казалось, что чего-то он не договорил, чего-то не понял в этой девушке.

– Здесь мы с тобой расстанемся, ты сделал для меня больше, чем я могла ожидать. Я в тебя верю. Помни о времени. Что бы не случилось, это будет правильным, ты сделал свой выбор, очень давно, – ее голос тускнел, казалось, она блекнет прямо на глазах, – мне пора, иди...

Он посмотрел в проем двери, величественная лестница призывно сияла. За его спиной хлопнула дверца лимузина, и заработал мотор, это вывело его из оцепенения. Он понял, что не успел попрощаться с Руах. Глубоко вздохнув, он

шагнул вперед.

Привратник

Он вошел в здание. У двери стоял араб, с суровым непререкаемым лицом. Безупречно сшитый костюм темно серого цвета дополняла чалма на голове и темные очки в тонкой золотой оправе. На лацкане пиджака был приколот бейджик с надписью «Привратник».

На ломаном русском привратник спросил, – куда?

– Туда, – улыбаясь, ответил художник, махнув головой в сторону лестницы.

– К кому? – последовал следующий вопрос.

– К нему, – следовал лаконичный ответ. Он не знал куда должен попасть, поэтому отвечал то, что первым приходило на ум.

– Вам необходимо заполнить анкету, – с серьезным видом привратник подошел к маленькому столику в углу и достал из выдвижного ящика анкетный лист, и потертую шариковую ручку, которую можно купить в любом газетном киоске. Очень бережно разложил все на столике и предложил посетителю присесть.

Решив не спорить, художник присел и стал вникать в суть вопросов в анкете. Первый же вопрос поверг в легкое недоумение.

Вопрос был таков, – кто есть творец? И за ним следовало три варианта ответа, – первый – Я, второй – никто и третий – не знаю.

Согласитесь, странная постановка вопроса. Но более его поразили варианты ответов. Получалось, что анкета была составлена именно для него, тот, кто составлял ее, уже знал все произошедшие с ним недавнишние события.

– А можно свой вариант? – хотелось, как-то расшевелить эту статую в чалме, которая стояла рядом и следила за каждым его движением.

– Это и есть, ваши варианты, – недоумение привратника выразилось в пожатии плечами.

Да-а! Ситуация! Ну, да ладно, и художник написал вариант – не знаю. Хотя еще совсем недавно мог быть совсем другой вариант ответа.

Следующий вопрос был еще более странным, – какое развитие вы предпочитаете? – и варианты ответов, – физическое, духовное, финансовое.

– А если я хочу написать все три? Это возможно? – отвечать совсем не хотелось, но и уходить тоже было как-то...

– Написать можно все что угодно! А исполнить вы сумеете? – казалось, что сквозь очки, светиться ироничный взгляд привратника.

– А в чем проблема?

– Проблема в равновесии. Равновесие часто сравнивают с гармонией, но это ошибочно. Гармония обладает колоссальной энергией. Гармония сама и есть энергия. Гармонию невозможно создать она уже существует изначально, это то к чему можно стремиться, но как только гармония достигается, наступает равновесие. Равновесие влечет за собой полный покой. Покой губителен, покой останавливает энергию гармонии и гармония замирает. – Губы привратника расплылись в улыбке, – если вы сумеете найти равновесие и не погубить гармонию, пишите! Но помните, что-то, что написано пером, не вырубить топором! – тут привратник широко улыбнулся.

Да, чудны дела твои, господи, араб декламирует русские пословицы! Но раз уж ввязываться в авантюру, то до конца! И он написал все три ответа.

Следующий вопрос был прост, – чего вы хотите? И варианты ответов, – блаженства, покоя, ничего.

Он схватил перо и уже хотел писать, но растерялся. А собственно, чего же он хочет? Как часто в периоды усталости, он восклицал, – ничего! Ничего не хочу! Или наоборот, покоя, дайте мне покоя! Странно, ведь он никогда не говорил, хочу блаженства. Интересно, а много ли людей мечтают о блаженстве? Если ничего не хочешь, ничего и получишь. Но ведь он всю жизнь твердил, что материалист, и что за чертой жизни ничего нет. Так чего же проще, напиши то, что ты знаешь наверняка и никаких проблем с будущим! Он растерялся и взглянул на привратника, казалось, тот скучает.

Вдруг у привратника зазвонил телефон в кармане пиджака. За все время разговора, привратник не выронил ни слова. Отключив телефон, он сообщил, что на данный вопрос анкеты можно не отвечать. Этот вопрос включен по ошибке, такое иногда случается, индивидуализировать анкету для каждого очень сложно.

– Но, как же вопрос останется без ответа? – серьезность происходящего, начинала становиться просто комичной.

– На этот вопрос ответят за вас, вы не компетентны, отвечать, на подобного рода вопросы, – привратник был серьезен до чрезвычайности.

Затем был ряд простых вопросов, вроде ваш вес, или возраст, был даже вопрос о размере его одежды.

И был последний вопрос, – когда вы впервые обрели суть? Вариантов ответов не было, да это и понятно, вопрос то личный.

Но он не совсем понял, о какой такой сути речь, и вообще, обретал ли он ее, и на какую тему, собственно, эта суть должна была быть. Решил писать наобум, и ответил просто, – давно.

Внизу анкетного листа было оставлено место для личной подписи, даты и времени заполнения, причем время дано было до секунд. Когда наступила заминка с определением времени, на помощь пришел привратник, он тщательно следил, за всем процессом заполнения анкеты.

Встав из-за стола, он хотел узнать, где лифт, но привратник указал рукой на лестницу, и по его лицу стало понятно, что спорить не стоит. Пришлось

подниматься так.

YXX@

«Распятие», А. Смолич

Подъем оказался не из легких. Все же сказывался возраст и образ жизни за последний месяц. Но, вот странность, чем выше он поднимался, тем ему становилось легче, и когда он даже стал испытывать удовольствие от подъема, вдруг перед ним, оказалась дверь. Обычная гладкая белая дверь с табличкой «YXX@». Он нажал на ручку, и дверь со скрипом подалась. Он шагнул внутрь.

Шагнуть то он шагнул, но так и остановился в оцепенении. За этой дверью его ждал поистине кошмар!

Пол в комнате, где он очутился, был абсолютно прозрачным. И вообще, вся комната была прозрачная. Стены, пирамидой смыкались над головой, были из стекла, такого высокого качества, что почти не осязались. Ему показалось, что он парит над землей, на огромной высоте. Внизу были видны строения и люди, микроскопические машинки шныряли по узеньким ручейкам улиц. Здания, которые внушали давящую величавость на земле, сейчас выглядели нелепыми торчащими узкими коробками.

Он не мог понять, как это, промахнув несколько лестничных пролетов, оказался на такой высоте! Ноги подкашивались, колени дрожали, холодный пот бил его, он не мог двинуться с места. Отовсюду не него лился свет. Он уже перестал ощущать контуры комнаты совсем. Единственным реальным предметом во всем этом хаосе света был маятник, свисающий с того, места, где, по всей видимости, смыкались грани пирамиды. Маятник качался взад и вперед, и казалось, отсчитывает что-то. Но, постепенно и он начал терять свои очертания в льющемся, почти физически ощущаемом, свете. Свет становился плотным, белым, почти вязким. Свет проникал в легкие, сочился через кожу внутрь, сжигал, испепелял мозг. Он начал задыхаться. Его тело обмякло и сползло

на пол. Он хватал ртом остатки воздуха. Грудь сдавила невыносимая боль. Перед ним пронеслась вся жизнь, последнее, что он увидел глаза. Миндалевидные голубые глаза полные печали. Боль в груди стала нестерпимой, страх сковал его полностью! Он стал неподвижен, мир сузился до одной точки. Точка пульсировала перед ним, маленькая черная точка в обжигающем море света, и он вошел в нее...

Вдруг, все кончилось. Боль отпустила, он перестал ощущать собственное тело, и наступила легкость. Легкость напоила его собой. Он воспарил. Не было ни притяжения, ни тяжести и вообще ничего вокруг не было, не было даже его, только черная беспредельная пустота. Пустота и покой. Ни материи, ни времени, ничего. Так продолжалось целую вечность, пока не возникло какое-то неясное движение. Движение самой пустоты. Бесконечное ничто пробудило самое себя. И он открыл глаза.

Он лежал в черном кожаном кресле. Комната была все та же, но наступила ночь, и сквозь прозрачные стены на него смотрели миллиарды звезд. Сверху все так же свисал маятник, только двигался он гораздо медленнее, и уже не столь грозно отсчитывал секунды. Пол был застлан мягким ковром, с каким-то восточным узором. Перед ним оказался огромным стол, черного лакированного дерева. На столе стояла лампа в виде шара, тусклый свет отражался от блестящей поверхности стола. На другом конце стола, тоже в кресле кто-то сидел, но кто, разглядеть не было никакой возможности.

Он устал, он смертельно устал. Казалось, в нем образовалась пустота, которая затягивала в себя и его самого. Он чувствовал незащищенность. И еще, что он что-то не так делал в этом мире, что-то не сделал...

Пустота! Во мне сейчас ничто, – он позволил слабо улыбнуться своим собственным мыслям. Странные слова утреннего виртуального гостя о ничто, обретали физический смысл.

– Вам причинили некоторое неудобство. Это вынужденная мера. Карантин проходят все, вновь прибывшие, – голос был низким, и в нем присутствовала некая повелевающая сила, – видите ли, сложилась не совсем благоприятная обстановка. Существует угроза, исчезновения структуры... Кризис...
Обстоятельства требуют, тщательной проверки всех прибывших. Но у вас хорошие рекомендации. Мы нашли вас среди огромного, поверьте, действительно огромного числа претендентов.

– Кто вы? – слова удавалось произносить с трудом, губы не желали двигаться, и его мутило.

– Я?! Вас действительно это интересует?! Сейчас?! – в голосе слышались неподдельные нотки удивления, – может, вначале вы разберетесь с тем, кто вы? А понять, кто я, поверьте, вам не составит труда, когда придет время. А пока будем считать, что я создатель YXX@ – глобальной поисковой сети, мы занимаемся поиском, обработкой и анализом всей доступной информации. Если вы не против, я бы хотел сразу пояснить, в чем, собственно, дело, – он сделал небольшую паузу и продолжал. – Вы, конечно, слышали о кризисе. Ипотека, падение котировок акций и все такое. Но это видимая сторона дела, все гораздо сложнее. В такое смутное время всегда находятся умельцы, которые пытаются спрятать информацию. Это весьма опасно для всей мировой информационной системы. Информация уходит, образуется некая энергетическая брешь, которая остается незаполненной активной энергией. Создается опасность зарождения энтропии. Любая энтропия несет в себе угрозу для всего мира. Обладая тенденцией уравнивания, она способна поглощать все более и более полезной информации. Как вы понимаете, информационное поле создавалось миллионами лет. Как только зародилось движение, победившее энтропию, возникла информация об этом. Требовалась колоссальная энергия, чтобы из этого микроскопического бита информации возникла энергия накопления. Пока информационное поле разрастается, создается, тем самым, тенденция развития. Но как только информация начинает пропадать, поле начинает сужаться, пытаясь защитить самое себя. Это создает парадокс, который вызывает обратный отсчет времени. Вам не надо объяснять, что такое, когда время начинает идти вспять. Когда круг замкнется, энтропия поглотит ВСЕ!

– Я не совсем понял, а как можно украсть информацию? – ему не хотелось говорить, все, что он услышал, казалось, происходило где-то далеко, в другом, незнакомом ему мире.

– О! Это очень просто! Любая информация несет в себе определенный энергетический заряд, говоря проще, воруетась та самая энергия! Разве вы не слышали сообщения в СМИ, в последнее время энергетический терроризм очень популярен.

– Мне казалось, что это о другом...

– Учитесь читать между строк, старайтесь видеть то, что скрыто, – в словах прозвучала едва уловимая ирония. Утренний виртуальный гость советовал обратное.

– Но, все же, каким образом можно украсть информацию, прибор у них что-ли какой-то, у этих террористов? – логика отказывалась воспринимать, то, что произносилось из темноты.

– Хм, наивный вы человек, зачем нужен какой-то прибор. Давайте разберемся, для того чтобы воспринимать информацию, разве вам нужен прибор, вы берете газету или журнал и просто читаете, то, что там написано. Достаточно лишь быть восприимчивым, тогда вы можете считывать информацию прямо из пространства, а можете ее и украсть, ведь информационно поле – это первоисточник. И, конечно, можете использовать эту информационную энергию в своих целях, – собеседнику казалось, что он очень доступно все объяснил. – И разве вы не знаете, что тот, кто владеет информацией – владеет миром! Это всего лишь вопросы выгоды! – собеседник искренне сокрушался над таким меркантилизмом информационных воров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timofeeva_lana/haos

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)